

О методологической культуре психологов (от монизма к плюрализму)*

В. П. Зинченко

доктор психологических наук, действительный член РАО, профессор Института общего среднего образования РАО, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии ГУ-ВШЭ, академик, главный редактор научного журнала «Культурно-историческая психология», член редакционного совета научного журнала «Экспериментальная психология»

В статье рассматривается современное состояние методологии как науки применительно к психологии. Показано, что методология настолько развилась и разветвилась, что настала пора разрабатывать ее специальный вид — методологию выбора и применения методологии к частным наукам. Специально выделена роль искусства как своего рода методологии: искусство питает интуицию, а методология дискуссии. В статье представлена пропедевтика методологической культуры и дана критика или проблематизация однозначности целого ряда методологических принципов, бытующих в современной психологии. Обсуждается также проблема совместимости / несовместимости полярностей, веками существующих в психологии и дискуссии о которых не утихают.

Ключевые слова: методология, теория, эксперимент, искусство, детерминизм, неопределенность, системность, хаотичность, развитие, отражение, порождение, понимание, интуиция.

Иди туда, куда влечет тебя свободный ум.

А. С. Пушкин

Каждому положению может быть противопоставлена иная противоположная точка зрения. И это начало «диалектики», то есть мысленного собеседования с учетом, по возможности, всех логических возражений.

И, можно сказать, это и было началом науки.

А.А. Ухтомский

I. Методология и искусство

Лучшая характеристика методологии принадлежит Р. Декарту. Методология — это правила для руководства ума, добавим, — ищущего и пытливого ума. Человеческий ум имеет дело с пространством, временем, вещами, образами, представлениями, действиями, чувствами, словами, мыслями, смыслами, обобщениями, перцептивными, операциональными и вербальными значениями, житейскими и научными понятиями, концептами культуры, концептуальными схемами, моделями, теориями, науками, их методами и с той же методологией, если ум рефлексивен. В последнем случае ум имеет дело со словами и мыслями о мыслях. В двух словах, ум имеет дело с задачами и проблемами. Он же имеет дело с сомнениями, иллюзиями и заблуждениями. В нем же накапливаются энергия познания и энергия заблужде-

ния. Замечательна характеристика ума А. Ф. Лосева, данная В. В. Библиным: Это «все определяющий взгляд на мир, и знание, что с этим миром надо делать. Велик ли его набор идей? Есть ли они вообще? Есть *инструмент*, который высекает искры, встречаюсь с чем бы то ни было. Какие искры это будут, ему может быть даже неважно. Нет системы. Есть какой-то *внутренний кремень*» [2, с. 19]. В этой характеристике выражены свобода, универсальность, основательность и игра ума философа.

Множество объектов ума — это еще полбеда. Работа ума осложняется тем, что все его объекты обладают избыточными степенями свободы, допускающими или, скорее, предполагающими множественную интерпретацию, источником которой является свободный ум, способный если и не представить, то помыслить любую чушь. Поэтому одно из требований к уму — сомнение, в том числе и по поводу все-

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г. (проект «Субъект и культура: основы междисциплинарного исследования проблемы», ТЗ 55).

силы методологии. Сомнение не следует смешивать со скепсисом, как говорил Г. Г. Шпет, философский скептик — неудачник в любви. Свободу ума дисциплинирует и ограничивает методология, представляющая собой научный, философский или какой-либо другой тип рационально-рефлексивного сознания, сознания, направленного на изучение, совершенствование и конструирование методов в различных сферах духовной и практической деятельности. Метод — в широком смысле — сознательный способ достижения какого-либо результата, осуществления определенной деятельности, решения некоторых задач (В. С. Швырев).

Декарт говорил, что мы живем в Океане фактов, добавим — в Море понятий. И в этом океане есть островки, где факты научны. Но в океане есть ветра, течения, волны, закрывающие солнце и звезды тучи. Чтобы находить их, нужен компас. Теория и методология играют роль такого компаса. Методология и есть ориентация, точка зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), понятия или принципа, руководящего стратегией поиска и исследования (Э. Г. Юдин). Нередко такие островки уже указаны на карте поэзии, но эту карту далеко не все умеют читать.

Стрелка компаса может быть и нарисована, и направление указано (приказано) заранее. Тогда это — вера или идеология: шаг в сторону от стрелки — побег. Это методологическое принуждение, порождающее лженауку. Наука не может развиваться, а ученые не могут размножаться в неволе. Принуждение может называться марксизмом, системным подходом или еще как-то. Один из специалистов по «научному коммунизму» сказал, что Маркс и Энгельс оставили нам очень много цитат. На излете СССР поветрие системного подхода превратилось в ветрянку, этот подход заменил диалектико-материалистическую отмычку. При этом забыли давние и недавние предупреждения: лучше уж суеверие, чем системоверие (В. Ваккенродер); система — результат события мысли, а не ее предпосылка (П. А. Флоренский); там, где система, там смерть (М. К. Мамардашвили). В итоге начался бессистемный отход от системного подхода (Б. З. Мильнер), что, впрочем, было вполне ожидаемо. Системность нужна не для исследования. Ошибка в эксперименте даст начало открытию (И. П. Павлов). Она нужна для научного изложения и обоснования. Не переоценивали роль системы и театральные деятели. Михаил Чехов сказал, что талант создает систему, а не система создает талант, и привел слова К. С. Станиславского: «Моя система только для талантливых», которым есть, что «систематизировать», — добавил М. Чехов.

Наука под диктовку — это мы уже проходили, печальный опыт имеется. Иное дело — осознание ценностей, лежащих в основе научного поиска. Есть взгляд, что психология, по сути, — перформативная наука, т. е. она рассматривает подведомственные ей содержания как побуждаемые ценностями ее создателей и потенциальных пользователей. В методоло-

гическом плане важен вопрос: следует ли положить в основу построения психологии принцип ценностного обоснования ее утверждений, должна ли аксиология рассматриваться как предпосылка движения психологического знания? Одно дело сказать: психология — перформативная наука (таково, быть может, исторически сложившееся положение дел), и совсем другое — заявить, что психология *должна быть* перформативной наукой. Не следует путать онтологическую и деонтологическую (ценностно-нормативную, «δένον» — должное) картины науки (В. А. Петровский). Н. Винеру в США, В. А. Амбарцумяну у нас приписывают весьма справедливое высказывание, что наука есть способ удовлетворения любопытства ученых за счет государства. Государство, которое отказывает в этом ученым, ставит бюрократические и финансовые барьеры, — не имеет будущего.

Порой стрелка становится безумной и крутится независимо от фактов, понятий, теорий, наук, становится автономной от науки и жизни системомыслительностью (Г. П. Щедровицкий). В свою очередь, появляется беспредметная классификация наук: классическая, неклассическая, постнеклассическая, afterpostнеклассическая наука. Они то ли встраиваются одна в другую, как матрешки, то ли сосуществуют рядом. То же происходит с позитивизмом и неопозитивизмом эпистемологий: классическая и неклассическая; модернизмом: пост-, неомодернизм; со структурализмом: постструктурализм и его высшая стадия — шизоанализ; с классическим и неклассическим идеалами рациональности и т. д. Образуется методологический сюрреализм, или «шведский стол» подходов, парадигм, методологий. Не вернее ли при выборе методологии положиться на здравый смысл? Но у последнего превосходный нюх и гнилые зубы (К. Дункер), он понимает только то, что здраво (Г. Г. Шпет), а по свидетельству физиков XX в., физике нужны сумасшедшие идеи, нужны люди, которые не знают, что нечто невозможно сделать, и делают это. Происходящее в методологии (или с методологией) нужно оценивать оптимистически, как ее развитие. В том числе как развитие впрок, характерное не только для математики, но и для других наук. В чем-то методология опережает развитие науки, в чем-то следует за ней или отстает от нее. Кто впереди, не столь существенно. Важнее, что исчезает монизм, уступая место диалогу, разговору, плюрализму. И все же *бренчанье парадигмами* и методологиями утомляет.

В такой ситуации ученым-исследователям разобрататься с методологическими изысками, пожалуй, сложнее, чем с непосредственным предметом своих исследований. Не удивительно, что некоторые из них предпочитают эклектику, другие переходят на «методологическое самообслуживание», формулируют имеющие всеобщее значение законы, принципы и теории, например, относительности, дополненности, неопределенности, утверждают объективность субъективного, случайного, спонтанного и пр. В 1907 году

Г. Г. Шпет писал, что в конце концов возникает вопрос о всеобщем в психологии значении закона относительности, а не только закона относительности, открытого Эрнстом Вебером в середине XIX в. В. В. Библин приводит слова А. Ф. Лосева: В подлунном мире «много нецелесообразного, хаотического. Хаос тоже входит в картину мира. Все эти относительные вещи, эти категории неабсолютного бытия — действительные силы, живые. Они красивые, действующие, никогда не мертвые; никакая вечность, никакая устойчивость им не мешает» [2, с. 63]. Далее Лосев говорит, что уже в аристотелевской системе есть и эстетика, и относительность. «Относительность фонтаном бьет в этой эстетике — все абсолютное бьет этим фонтаном» [там же]. В этом смысле психология очень близка эстетике, или эстетика психологии.

Наивно думать, что физики, создатели подобных законов и принципов, извлекали их из глубин собственного духа или исключительно из экспериментальных исследований. А. Эйнштейн признавался, что для создания общей теории относительности творчество Достоевского дало ему больше, чем математика. Интересно признание сформулировавшего принцип дополнительности Н. Бора о влиянии его на миропонимание Х. Геффдинга — датского философа, психолога и педагога, с которым он был знаком в детстве и юности. Этот принцип хорошо бы распространить на отношения гуманитарных и естественных наук, произошедших и развивающихся из одного корня — гетерогенного слова, являющегося, согласно Г. Г. Шпету, главным *principium cognoscendi*. Соответственно, и методология (методологии — ?) научного знания должна быть если не общей для его различных ветвей, то служить в большей мере их соединению, чем разъединению. Из этого же корня развивается и искусство. Например, библейское Слово лежит в начале всего христианского искусства. Познавательную и эвристическую роль искусства не следует недооценивать. Искусство нередко на столетия опережает науку. В «Разговоре о Данте» О. Мандельштам писал: «Будущее дантовского комментария принадлежит естественным наукам, когда они для этого достаточно изодрятся и разовьют свое образное мышление» [6, с. 123].

В современной России интересы психологической теории часто приносятся в жертву опытам хорошо бы изящной, а чаще — неряшливой словесности (иногда под знаменем феноменологии). Им, да не только... В. А. Петровский резонно писал: «Если говорить о сегодняшнем дне “психологии личности” на Российских просторах, то приходится констатировать: интересы коллег всё чаще ограничиваются контурами условного квадрата, четыре вершины которого: “психография” (то есть сбор, а чаще всего диссертационное складирование и терминологическое кодирование эмпирических фактов), “психософия” (возвышенные размышления о душе), “психофилия” (любовь ко всему загадочному, необычному в психической жизни) и широкомасштабное “психотворчество” (попытки реализовать старый проект инженер-

рии человеческих душ). Психология личности среди этих исканий занимает не столь уж видное место. Долгое время в общей психологии царил “методология”, совокупность подходов, так и не породивших теории. И сейчас порою в силу непобедимой силы инерции методология — это затянувшиеся роды теории» [7, с. 61]. Следствием отсутствия теории и «прямого замыкания» методологии на эмпирию является хаос и бессистемность последней. Поиск остротка научных фактов ведется «без руля и без ветрил».

Находится и другой выход: провозглашаются необходимость «методологической передышки», «методологический либерализм», «методологический анархизм», «методологический плюрализм» или «наплюрализм». Здесь мы встречаемся с парадоксом. Методологическая культура, как и культура в целом, не только ориентирует, но и налагает на исследование некоторые, порой существенные, ограничения. Однако, судя по ее нынешнему состоянию, себе она позволяет свободу без границ. Возможной причиной этого является беспрецедентная сложность задач, встающих перед современной наукой.

Так или иначе, мы как бы завершаем герменевтический круг и вновь приходим к необходимости компаса. Конечно, здравый смысл должен подсказывать, что не нужно вооружаться компасом, переходя через лужу. Но когда речь идет о большой водной глади, он не помешает. Поскольку компасов много, возникает проблема выбора. Тогда неизбежны ошибки, иногда очень милые, похожие на то, как пациент «дома скорби», забивая гвоздь шляпкой в стену, сообразил, что гвоздь не от той стены. Психоаналитик У. Бюн, обескураженный множеством психоаналитических и психотерапевтических подходов, рекомендовал идти к клиенту «без памяти и желания». То есть идти от страдания к методу, а не от метода к страданию. Это противоречит павловскому «Всё в методе». Теория тоже кое-чего стоит. Она способна делать открытия на кончике пера. Да и сама она результат умозрения, интуиции, а не логического вывода. Главное достоинство теории и ее функция, как и функция психики, вкупе с сознанием, состоит не в отражении, а в порождении. Теория не только вместе с методологией ищет в океане островков научных фактов, но и конструирует, создает новые островки, а иногда и целый архипелаг, состоящий из них. Теорию тоже можно уподобить дрожащей компасной стрелке, но стрелке особой, помысленной О. Мандельштамом [6, с. 114]. Его стрелка не только потакает магнитной буре, но и сама ее делает (порой в стакане воды). Экспериментальная наука создает условия для проверки теоретически сконструированных гипотез, притом такие условия, которые в наблюдаемой реальной фактологии в жизни не встречаются. Поэтому нередко экспериментальные условия воспринимаются как абсурдные. К сожалению, не все красивые экспериментальные замыслы осуществимы. Конечно, и теории переходящие. Они нужны лишь до тех пор, пока их не сменят другие — лучшие теории.

При всей важности методологии не худо бы помнить завещание М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского: «Без онтологии тоска берет за горло». До них об этом же, но иначе, писал Анри Бергсон: Наука (добавим: вкупе с методологией) может воспарить как угодно высоко, но, будучи брошенной на поле действия, она должна оказаться на ногах». Эти предупреждения не случайны. Их основанием является то, что «Догмат, понятия — это очки. От живого дыхания настоящего эти очки запотевают, и в ясных понятиях мы ничего не видим» (А. Белый). Об этом же В. Хлебников: *Это на око — ночная гроза, / Это наука легла на глаза.*

Соотношение методологии и научного исследования не должно быть похожим на детский рисунок человека, который называют «головоногом» — огромная голова, тщедушное туловище и палочки — руки и ноги. На метафорическом языке Л. С. Выготского это можно выразить следующим образом. Соотношение методологии и науки может выглядеть двойко. Первый образ — образ улитки: в середине — мягкотелая наука, а сверху — методологический костяной покров. Подходит и образ черепахи, одетой в панцирь. Похоже на чемодан без ручки: и нести тяжело, и бросить жалко. Здесь методология очевидна. Есть у Л. С. Выготского и второй, скрытый образ методологии, когда скелет помещен внутри организма, образуя его внутренний остов. Автор замечает, что второй тип организации представляется ему высшим не только для животных, но и для психологических монографий. Здесь тоже подстерегает опасность, когда, как у дистрофика или анорексички, видны лишь кожа да кости. Образы Выготского предполагают возможность свободного выбора: думайте сами, решайте сами...

Мышление, рацию, рассудок, разум и прочее не имеют монополии на решение проблем и принятие решений. Смысл учения Спинозы состоит в том, что ум без сердца дешево стоит, как, впрочем, и сердце без ума: *Верь тому, что сердце скажет, нет залогов от небес* (В. А. Жуковский). Спинозист Л. С. Выготский вымечтал единство аффекта и интеллекта. Тогда же В. И. Вернадский и Теяр де Шарден вымечтали ноосферу, видимо, устав от человеческой глупости, которая уже тогда достигала космических высот. При разложении мира на разумно действующие силы единственно неразумным является человек, — заметил О. Мандельштам. Дэниел Канеман был удостоен Нобелевской премии за великое открытие, что эмоции влияют на принятие экономических решений. Он еще раз доказал пушкинское: *ум с сердцем не в ладу. Сведение ума в сердце требует многолетней практики*, говорил А. Ф. Лосев. Эмоциональное мышление и умные эмоции колеблются на острие меча, как, впрочем, и сама жизнь (А. А. Ухтомский). А жизнь (согласно ему же) есть требование от бытия смысла и красоты, которые своенравны и уходят от концептуализации. Правы Б. Пастернак и И. Бродский, говорившие, что жизнь — это не продукт наших умозаключений.

Наш методологический выбор сделан в пользу культуры и истории. Еще в 1922 г. Г. Г. Шпет писал о новом взлете *культурно-исторической волны* в конце замечательного девятнадцатого столетия: «Наше время захотело быть орудием в руках злого гения истории и воздвигло поперек ее течения чудовищную военную плотину» [11, с. 355]. После того как были написаны эти слова, все новые и новые плотины преграждали путь культурно-историческому течению (направлению, школе), но остановить его так и не смогли. Культура и история — это тоже своего рода методология, т. е. главные ориентиры для любой методологии, философии и для всех гуманитарных наук. Психологии в 30-е г. XX в. невероятно повезло. Один из самых оголтелых критиков Л. С. Выготского, стремясь дискредитировать его теорию, сделал ей высший комплимент, сказав, что она представляет собой «так называемую культурно-историческую психологию». Возможно, он имел в виду труды Г. Г. Шпета, шельмование которого началось задолго до Л. С. Выготского. На том стоим и, вслед за старшими поколениями научной школы культурно-исторической психологии, стараемся оправдать это замечательное название. Не следует забывать и того, что Л. С. Выготский особо подчеркивал инструментальный характер своего подхода, понимая под этим опосредованную культурными артефактами природу высших психологических функций.

Конечно, приятно сознавать, что культурно-исторический подход (и метод) к изучению психики и сознания в последние десятилетия становится важным методологическим принципом развития не только психологии, но и гуманитарного знания как такового. Разумеется, в этом большую роль играют труды философов В. В. Библина, Э. В. Ильенкова, М. К. Мамардашвили, Э. Г. Юдина, В. К. Кантора, В. Н. Поруса, Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной и др.

В 80-е годы XX в. культурно-историческую психологию с большим опозданием отнесли к неклассической науке (А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин). Можно добавить, что она является одной из провозвестниц неклассического идеала рациональности. Подождем, когда приставка «не» исчезнет и она станет такой же классической, как и старая, добрая классическая психология. Между прочим, она была культурной, исторической, когнитивной, гуманистической, экзистенциальной, позитивной и пр., хотя самонадеянно и самозванно не афишировала эти свои качества.

Как говорилось выше, методология не всемогуща. Ее значение в развитии науки не следует переоценивать. В. В. Библин цитирует Г.-Г. Гадамера: «<...> метод никогда не поднимется или не опустится на тот уровень, где у нас есть шанс встретиться с истиной, потому что у истины всегда свой “метод”, не наш» [3, с. 76]. И продолжает: если же говорить о «нашем» методе, он в этом случае единственный — уступание себя миру, с тем, чтобы услышать его голос, его смысл, его истину: «наш» голос возмущает всю ситуацию поиска, «наше» слово не только не в

состоянии «ухватить тайну», но даже приблизиться к ней. Только это уступание себя миру позволяет сделать первый шаг Судьбе, причем такой шаг, который еще позволяет человеку «уступившему себя миру» использовать свой шанс на встречу с истиной. «Уступание себя миру» есть акт любви. П. А. Флоренский утверждал: «В любви и только в любви мыслимо действительное познание Истины» [8, с. 74]. А «методологии любви» еще никто не придумал, надемся, и не придумает. Обратим внимание на соседство двух слов: «истина» и «тайна». Смысл приведенных выше высказываний состоит в том, что к истине и тайне бесполезно подходить с предвзятыми рациональными или иррациональными (утопическими) схемами. П.А. Флоренский в любви, А. А. Ухтомский в совести видели начальные стадии давно желанной интуиции, без которой невозможно не только научное, но вообще никакое мышление. А там, где любовь, совесть, интуиция, там поэзия и искусство, которое Г. Г. Шпет назвал органом философии (думаем, что и психологии тоже). «Философия, — писал Шпет в 1922 г., — нуждается не только в голове, также и в руках, глазах и в ухе, чтобы осязать, видеть, слышать. Пора перестать ходить на голове и “аплодировать (футуризму) ушами”» [11, с. 354]. (Судя по контексту и времени написания, Шпет имел в виду футуризм не только поэтический, но и большевистский.) Уместно вспомнить и книгу М. К. Мамардашвили «Эстетика мышления». Искусство — не только один из предметов психологических исследований, но и важнейший источник психологических знаний, эвристик и интуиций. Смысловые поэтические формулы стоят математических. «Сказанное поэтически и сказанное мышлением никогда не тождественны; но то и другое иногда бывает тем же самым, а именно тогда, когда свободно и явно зияет пропасть между поэзией и мышлением. Это может произойти, когда поэзия высока, а мышление — глубоко» [10, с. 44]. М. Хайдеггер иллюстрирует это положение строкой Гельдерлина: «Кто о глубочайшем *думал, любит* живейшее» (*курс*. Хайдеггера) и примечательно комментирует: Любовь, приятие покоится в мышлении. Покоится ли любовь в мышлении или мышление — в любви, как утверждал П. Флоренский, в конце концов не столь важно. Главное, чтобы они были вместе. Наконец, дадим слово не философу и не поэту, а гуманитарно мыслящему естествоиспытателю В. Гейзенбергу: «... для духовной структуры, пожалуй, будет всего лучше, обозначив великую взаимосвязь образами и иносказаниями, заранее дать понять, что разговор здесь идет на поэтическом, открытом для всех человеческих ценностей, богатом жизненными символами, а не на естественнонаучном языке» [5, с. 338]. Правда, в этом языке образы и метафоры тоже не редкое явление. Видимо, это объясняется тем, что для понимания общепринятого истолкования «единого», т. е. того объединяющего принципа, который таится в многообразии явлений, язык поэтов должен быть важнее языка науки» [там же, с. 122].

О. Мандельштам уподоблял множественные состояния *поэтической материи* множественному единству организма, к которому прислушивается врач, ставящий диагноз. Он называл поэтическую материю самой точной из всех материй, самой пророческой и самой неукротимой! Ограничусь одним примером. В 1911 г. А. Белый написал:

*Мир рвался в опытах Кюри
Атомной, лопнувшей бомбой.*

Искусство — это образ жизни смысла. В счастливых случаях пропасть между поэзией и мышлением соединяет, как сказал бы А. Белый, *радуга смысла*. Искусство питает психологическую интуицию. А методология питает психологическую дискурсию. Взятые вместе — методология и искусство — помогают психологии достичь максимы, сформулированной М. К. Мамардашвили для философии: люди должны узнавать себя в мысли философов. Конечно, такое узнавание себя в мысли философов и в мысли психологов требует размышлений. А думать трудно. Утешает Ж.-Ж. Руссо: кто начал думать, того не остановишь. Тогда появятся любовь к познанию, «неутолимый голод мысли», «духовная жажда», а вместе с ними будут прирастать не только знание, но также «ученое незнание», являющееся движущей силой познания. Каков бы ни был путь к истине, к огорчению скептиков приведу оптимистическое и требовательное высказывание В. Гёте: «Истина давно обретена и соединила высокую общину духовных умов. Ее ищи себе усвоить эту старую истину».

II. Методологическая культура психологических исследований: пропедевтика, или «санитарно-гигиенические» требования к исследованиям (и исследователям)

1. Признание наличия чуда, тайны (многих тайн), ученого незнания, сохранение способности удивляться. Уважительное отношение к тайне: не раскрыть, а прикоснуться к ней, сделать более осязуемой (И. Кант).

2. Ценность и неповторимость индивидуальности. Внимание к case history: А. Р. Лурия, Оливер Сакс, Ф. М. Достоевский, В. В. Набоков. Длительный психоанализ, психотерапия. Мемуары, исповеди, эпистолярное наследие (не SMS-ки).

3. Доминанта на лицо другого (А. А. Ухтомский, Эм. Левинас, М. Бубер, М. М. Бахтин, Ф. Д. Горбов: Лицо — слово. Лицо — душа тела. Я — другой, Я — Ты, Я — второе Я и т. д.).

4. Религия — Вера: На том стою и не могу иначе. Верую, ибо абсурдно. Наука — Сомнение: Исследование психологов было бы более легким,

*более точным, если бы Бог не был
неясной переменной величиной.*

(Американский психотерапевт
Томас Грининг)

5. Чувство юмора. Ирония (к самому себе в первую очередь). Рефлексия! Преодоление тщеславия, гордыни: не выглядеть так, будто подоил сам себя. «Тщеславие — смерть мысли» (Л. Витгенштейн).

6. Принцип сочувствия в науке — отношение к коллегам, не спешить с оценками других теорий, фактов, методов, рискованно отвергать их с порога (С. В. Мейен).

Принцип фальсификации в науке (К. Попер). Готовность к критике.

8. Помнить, что человек всегда больше того, что мы можем о нем сказать, узнать и понять.

9. Недопустимость заочного определения человека — ни отрицательного, ни положительного.

10. Недопустимость дикого психоанализа и вообще поспешного самоанализа, как и поспешного построения Я-концепции. Лучшая Я-концепция не до, а после: Ай да Пушкин, ай да сукин сын. Сказано после написания «Бориса Годунова». Неплохо и смирение: Я — слуга и орган духа (А. А. Ухтомский).

11. Забота о себе и познание себя. Нужно познавать себя не в зеркале, а в глазах других (Платон). Или: ирония В. Гёте:

Познай себя. Что толку в том...

Познаешь, а куда бежать потом?

В античности забота о себе — не эгоистическое самоутверждение, не уход в себя, а совокупность требований духовности, все преобразования себя, которые нужны для получения доступа к истине [9, с. 29]. А. А. Ухтомский называл внимание духу одной из главных доминант души. Что касается предписания дельфийского оракула «познай самого себя», то это не принцип самопознания, а нечто вроде психотехнического приема желательно скромной оценки успешности продвижения по пути заботы о себе, по сути, по пути самосозидания и самостроительства.

12. Многозначность понятий интериоризации и экстериоризации: Впечатывание и Осознание (впустить в себя или преодолеть; очиститься; актуализировать или удержаться). Интериоризация — не только выращивание, но и выращивание; экстериоризация — завершающий акт творчества.

13. Доверие не только Рацио, но Эмоции. Эмоциональный интеллект и интеллектуальные эмоции.

14. Помнить, что все живое упорно сопротивляется концептуализации, но живой взгляд — ее условие.

Как Живое вещество (В. И. Вернадский) в сочетании с Живым движением (Н. А. Бернштейн) порождают Живую душу? Или: Душа это дар моего духа другому (М. М. Бахтин)?

15. Внимание к истории, к распискам мысли. Науку еще никому не удалось начать с себя. История психологии — не поле брани, усеянное телами умственно отсталых предшественников. Историзм столь же важен, как и самостоятельность. Без них вообще не может быть научной школы.

16. Помнить, что человек создан не для удобства экспериментаторов, управленцев, манипуляторов и других практиков работы с ним. Пора преодолеть гордыню и претензию на формирование нового чело-

века, личности (кто уполномочил и по чьему образу?). Личность — человек исторический, ее синонимом является свобода, притом не всякая, а сопровождаемая чувством ответственности и вины. А. Ф. Лосев говорил, что личность есть тайна, чудо, миф. П. А. Флоренский считал, что личность есть предел самопостроения. Формировать ее никому не дано, а манипулировать ею трудно. Легче сломать или уничтожить. Извне сформированная «личность» — это не более чем наличность того, кто ее сформировал.

III. Сеанс «полного разоблачения», или проблематизация однозначности методологических принципов современной психологии

Согласно М. М. Бахтину, предметом гуманитарных наук, к которым относится психология, является выразительное и говорящее бытие. Комментаторы разъясняют, что речь идет о персонифицированном бытии личности: «Это бытие никогда не совпадает с самим собою и поэтому неисчерпаемо в своем смысле и значении <...> Самораскрывающееся бытие не может быть вынуждено и связано. Оно свободно и не представляет никаких гарантий <...> Бытие целого, бытие человеческой души, раскрывающееся свободно для нашего акта познания, не может быть связано этим актом ни в одном существенном моменте. Нельзя переносить на них категории вещного познания (грех метафизики). Душа свободно говорит нам о своем бессмертии, но доказать его нельзя. Становление бытия — свободное становление <...> Этой свободе можно приобщиться, но связать ее актом познания (вещного) нельзя» [1, с. 8]. Методологию изучения *свободного становления* еще никто не предложил. Перед ним пасует психология, и другие гуманитарные науки не приняли бахтинского вызова. Диалог как метод, конечно, хорош, но едва ли достаточен. Однако свято место пусто не бывает. Психология не осталась без методологии. В нашей отечественной психологии до сих пор бытуют застарелые методологические принципы-заклинания советской психологии. Некоторые из них требуют ревизии, дополнения, другие — перевода из повелительного наклонения в дискуссионную, проблемную форму. Не надо *философствовать молотом и приравнивать к иттыку перо*.

1. В истории человечества психология — первая наука. В прошлом она была наукой о душе, затем — наукой о ее отсутствии. В будущем она вновь станет наукой о присутствии души и духа. Когда случится такое будущее и случится ли оно вообще, сказать трудно. Пока же остается справедливым давнее утверждение М. Хайдеггера: «В Америке и других странах логистика как собственно философия будущего начинает сегодня господствовать над духом. И в силу того, что логистика соответствующим образом смыкается с современной психологией, психо-

анализом и социологией, концерн грядущей философии становится отлаженным до совершенства» [10, с. 46]. Логистика — это порождение классической рациональности, способствовавшей изгнанию из научного дискурса духа, а из психологии — души.

*Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.*

А. Блок

2. Возникающие неклассические формы рациональности еще не достигли такого уровня толерантности, чтобы вернуть душу в психологию. Они тоже требуют от наук «строгости», забывая слова Хайдеггера о «специфической строгости гуманитарных наук», о том, что гуманитарная наука обращается к существу, и точности тут не причем. Сущее же, по Хайдеггеру, есть «присутствие», некое «подлежащее», «То, о чем сказывает любое высказывание». Присутствование и присутствие означает: на-стоящее. Это подразумевает пребывание — напротив, настоящее [10, с. 277]. Аналогичные мысли относительно «точности» в познании личности мы встречаем у М. М. Бахтина: «Необходимость свободного самооткровения личности. Здесь внутреннее ядро, которое нельзя поглотить, потребить, где сохраняется всегда дистанция, в отношении которого возможно только чистое бескорыстие; открываясь для другого, она всегда остается для себя. Вопрос задается здесь познающим не самому себе и не третьему в присутствии мертвой вещи, а самому познаваемому. Значение симпатии и любви. Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения. Здесь познание направлено на индивидуальное. Это область открытий, откровений, узваний, сообщений. Здесь важна и тайна и ложь (а не ошибка)» [1, с. 7]. Далее Бахтин говорит об активности, диалогичности познающего и открывающегося, об умении познать и умении выразить себя, об умении понять выражение, о сложной диалектике внешнего и внутреннего, о взаимодействии кругозоров познающего и познаваемого. В такой ситуации требования строгости и точности, действительно, нужно воспринимать со щепоткой соли. Вспоминается старая шутка, что после богословия и медицины психология — самая точная наука, имеющая свои резоны. Впрочем, психология готова уступить это почетное место другим претендентам. Она и сама защищается от нападков в «не строгости» самыми изощренными статистическими методами.

3. Сегодня психология становится объективной наукой о субъективном мире человека и животных (П. Я. Гальперин). Это столь же верно, как и то, что на фундаментальных законах физики (и других естественных наук) лежит печать субъективности (А. С. Эддингтон), и все их можно характеризовать как субъективные науки об объективном мире. Это не эпатаж, а констатация. Как говорили А. Эйнштейн и Л. Инфельд, человеческое мышление творит вечно изменяющуюся картину вселенной. В. Гейзенберг, который вывел фундаментальный принцип квантовой механики — соотношение неопределенностей,

утверждал: поскольку мы признаем атомные объекты в отношении к макромиру, наше описание этих объектов не может быть объективным. Сказанное есть ответ представителям естествознания на упреки психологии в «душевном водолействе».

4. Относительность разделений на видимое и невидимое, на тело и душу, на внешнее и внутреннее, на объективное и субъективное, на значение и смысл. В человеческой жизни постоянно происходят противоположно направленные акты: овнешнение внутреннего, овнутрение внешнего; объективация субъективного и субъективация объективного; означение смысла, осмысление значения; овнешнение, уплотнение (от плоти) души, одухотворение, одушевление, воодушевление тела.

5. *Субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное* (А. А. Ухтомский). Главная задача психологии — не изучение связей объект — субъект (не S-R), а изучение взаимоотношений Человек-Мир (С. Л. Рубинштейн, М. Хайдеггер, А. Н. Леонтьев, В. В. Библихин).

6. В то время когда психологи стремились к строгому детерминистическому описанию индивидуального поведения, истоков сложных человеческих потребностей и прочая в терминах естествознания, само естествознание стало обращаться к психологии, стремясь понять свободные (индетерминистические) явления, с которыми оно столкнулось. Физикализация психики сменяется психологизацией физики. Как минимум, происходит соревнование этих двух противоположно направленных стремлений. Перетягивание каната продолжается. С уверенностью можно лишь сказать, что в объективном и субъективном мирах в равной степени объективно присутствуют неопределенность, индетерминизм, хаос, случайность. *Случай — Бог-изобретатель* (А. С. Пушкин); *Случай — псевдоним судьбы* (В. В. Набоков).

7. Жизнь в недоопределенном мире требует не реактивности, а активности, понимания и построения собственного субъективного мира, который по своей сложности должен быть равен объективному миру или превосходить его.

8. Важнейшая функция психики — не только отражение (отбрасывание в раже): *Зеркало корчит всезнайку* (О. Мандельштам). Главное — порождение образа мира, образа не только настоящего, но также возможного, потребного будущего, которое может настать лишь при напряжении действия. Непотребное приходит само.

9. Наличие хаоса или хаотичных состояний сознания вызывает потребность в порядке (например, ахматовский «сор», «свалень событий», «бездны сознания» А. Белого и пр.), которая, в свою очередь, требует различных форм активности, деятельности, творчества.

10. Поведение и деятельность обеспечиваются не рефлекторными дугами и кольцами, а рефлексивными (рефлексия=рефлекс-и-Я) кольцами, мыслями о смысле. *Рефлексия — постскриптум к мысли* (И. Бродский) и прескриптум к действию. Это тео-

ретически, а на деле — действие слишком часто обгоняет мышление.

11. Принцип деятельности, при всей его значимости, не обеспечивает полноты психологического исследования. Он должен быть дополнен феноменологией сознания, переживания, анализом эмоционально-мотивационной и личностной сфер. Уход в тень, а не со сцены, деятельностного подхода — явление не уникальное. В той же тени оказались ассоцианизм, гештальтпсихология, бихевиоризм, реактология и рефлексология. Такая же судьба ожидает когнитивную, гуманистическую, экзистенциальную и прочие психологии. На смену им придут другие подходы и концептуальные схемы. Это означает лишь, что наука жива и питается своими историческими и культурными корнями.

12. О живости и динамизме психологии свидетельствуют постоянная смена и увеличение числа единиц анализа психики: ассоциация, гештальт, рефлекс, реакция, акция-действие, образ, значение, сознание, смысл, слово, переживание и т. д. В психологии развития предлагаются свои единицы развития: совокупное действие, слиянное общение. Постепенно строится таксономия единиц анализа и накапливаются аргументы в пользу их гетерогенности. Например, за действием стоят образ и слово, за образом — слово и действие, за словом — действие и образ. Равным образом, за сознанием и личностью стоят не только действие и деятельность, но и значащие переживания, рождающие новые жизненные и личностные смыслы. Ведь страдание — единственная причина сознания (Ф. М. Достоевский).

13. Сегодня заканчивается эпоха мононаук. Все больше появляется междисциплинарных контактов и территорий. Психология всегда была одной из самых привлекательных, даже заманчивых, с точки зрения междисциплинарных исследований, наук. Возможно потому, что каждый человек считает себя немножко психологом. Но есть и такие, которые считают себя психологами больше, чем все психологи, вместе взятые. Так образуется *редукционистский слалом* (В. Н. Порус). Изучение сознания тонет в море молекулярной теории (А. Р. Лурия). Можно сформулировать правило: чем больше варягов (обычно неудачников) из своих областей знаний приходит в психологию, тем разнообразнее (и нелепей) виды редукционизма в психологии. На роли законодателей психологии претендуют физиологи, физики, инженеры (кибернетики), математики, логики, социологи, лингвисты, теологи, даже политологи и пр. Особенно усердствуют физиологи, о которых можно сказать словами Амброза Бирса: «Мозг есть орган, посредством которого мы думаем, будто мы думаем» [4, с. 267]. Как ни странно, но именно беспрецедентное разнообразие и количество форм редукции психики к тому, чем она не является, придает психологии устойчивость. Хотя она и сама раскачивается как верхушка Останкинской башни с амплитудой 12–14 метров, но поскольку каждый тянет в свою сторону, то своими усилиями только обес-

печивает устойчивость, укрепляет ее положение. Разумеется, немало примеров и весьма плодотворного сотрудничества. Например, А. Р. Лурия назвал физиологию активности Н. А. Бернштейна психологической физиологией, о которой мечтал Л. С. Выготский.

14. Главным камнем преткновения психологии является человек целостный, человек собранный. Кажется, собрать его не проще, чем расщепленный атом. В *исцелении* (по К. Юнгу) нуждается не только человек, но и науки о нем. Психология, конечно, преуспела в аналитической работе, но от нее сильно отстаёт работа синтетическая. Коварная роль в таком отставании принадлежит давней оппозиции внешнего и внутреннего. Станным образом большинством психологов не замечается давно предложенное А. ф. Гумбольдтом преодоление оппозиции: не внешнее и внутреннее, а целое, живущее в своих внешних и внутренних формах. Справедливость такого взгляда чувствовал В. В. Кандинский: «Внешнее, не рожденное внутри, мертворожденно». Перефразируя А. Эйнштейна, скажем, что без *внутреннего совершенства* не может быть *внешнего оправдания*. Посмотрим, примет ли психология этот вызов.

15. Тайна развития. *Природа не делает людей. Люди делают себя сами.* Это справедливо для человечества и для индивида. *Ребенок — непризнанный гений среди буднично серых людей* (М. Волошин);

*И там, где сцелились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит.
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит.*

(О. Мандельштам)

Генетик А. Г. Гурвич говорил о *неудержимости онтогенеза*. И. Бродский как бы в тон ему: *Скорость внутреннего прогресса быстрее, чем скорость мира. Неудержимость и скорость объясняются тем, что человек как представитель человеческого рода награжден (кем?) не только косными инстинктами и близорукими рефлексам, но и разумом* (Бл. Августин); *интеллигентной интуицией, способностью к уразумению* (Г. Г. Шпет); *бытийной понятностью* (М. Хайдеггер); *первичным интегральным единством: Открытое миру мозгу*, составляющее потенциал действия, — *мыслью—понимаю* (В. В. Библихин). Само понимание есть видение живого смысла переживания и выражения, видение внутренне осмысленного, так сказать, само-осмысленного явления (М. М. Бахтин). Наконец, может быть наиболее адекватным обозначением этого феномена будет *проясняющий акт понимания—исполнения* или исполняющего понимания (О. Мандельштам). Как бы ни называть это интегральное единство, оно лежит в начале развития человека и позволяет овладевать культурными артефактами — медиаторами (знак, слово, символ, миф, лик...), проникать в их внутреннюю форму, строить собственную вселенную, свой *пространства внутренний избыток* (О. Мандельштам). Прав был Л. С. Выготский, утверждая, что осознание и овладе-

ние идут рука об руку. Разумеется, все это не освобождает человека от проб и ошибок, порой трагических. Особенно ярко гениальность младенца проявляется в порождении знаков (указательные жесты, разнообразные виды плача), понятных взрослому (Бл. Августин, Карл и Шарлотта Бюлеры, Л. С. Выготский, Дж. Верч), в порождении и использовании *переходных объектов*, являющихся протосимволами (Д. Винникот), несколько позднее — в словообразовании.

16. Вернемся к А. А. Ухтомскому (см. эпитафия) и обозначим противоположные точки зрения, или болевые противоречия, являющиеся традиционным предметом дискуссий в психологии:

Душа—Тело; Слово—Дело; Психика—Мозг; Внешнее, внутреннее—Целое, обладающее внешней и внутренней формами; Детерминизм, казуальность—Свобода, неопределенность; Отражение—Порождение; Реактивность—Активность; Рефлекторность—Рефлексивность; Воспроизведение—Творчество; Дискурсия—Интуиция; Центрация—Децентрация; Объективность—Субъективность; Бытие и сознание—Единый континуум бытия сознания (участность сознания и мышления в бытии); Системность—Хаотичность (порядок из хаоса); Гомогенное—Гетерогенное (строение психических актов); Гомофония (одноколейность)—Полифония (мышления и сознания); Иерархия—Гетерархия (организации психических актов); Монологизм—Диалогизм (сознания); Натуральное—Культурное; Эмпиризм—На-

тивизм; Социальное—Биологическое; Синхрония—Гетерохрония (развития); Непосредственное—Опосредованное; Развитие (рост)—Новообразования (функциональные органы)...

Психология столетиями находится на качелях между перечисленными и неперечисленными полярностями. Не пора ли остановить качели? Но если их остановить, исчезнет предмет разговора и психология как наука кончится. Приведенные оппозиции переплетаются, частично перекрывают друг друга и образуют не иерархию, а гетерархию теоретико-методологических проблем психологии. Их обсуждение и вековые споры продолжаются, накапливаются и проблемны. В спорах Принцип фальсификации действует сильнее, чем Принцип сочувствия. Тем не менее сама длительность существования противоположных точек зрения должна свидетельствовать об их совместимости. Вольно или невольно мы держим эти противоположности в сознании, но значительно реже осознаем их продуктивный характер. По отношению к дискуссиям, ведущимся в науке, методология должна оставаться над схваткой. Поэтому она и мета. Методологическая культура — это, конечно, культ разума, а не культ насилия. Ее уроки предназначены для того, чтобы помогать наукам самим решать свои проблемы. Возможно, подготовка урока, посвященного проблеме совместимости / несовместимости различных схем, принципов, теорий, и есть перспектива ближайшего и более отдаленного развития методологии гуманитарных наук.

Литература

1. Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1996.
2. Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004.
3. Бибихин В. В. Язык философии. М., 1993.
4. Бирс Амброз. Словарь сатаны. М., 2003.
5. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.

6. Мандельштам О. Слово и культура. М., 1987.
7. Петровский В. А. Индивидуальность и саморегуляция // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 1 (56).
8. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990.
9. Фуко М. Герменевтика субъекта. М., 2007.
10. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2007.
11. Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.

On the Methodological Culture of Psychologists (From Monism to Pluralism)

V. P. Zinchenko

PhD in Psychology, full member of the Russian Academy of Science (RAS), professor of the Institute of General Secondary Education of RAS, professor at the Chair of General and Experimental Psychology (Higher School of Economics), academician, chief editor of the Journal of Cultural-Historical Psychology, member of the editorial council of the Journal of Experimental Psychology

The article addresses the current state of scientific methodology in relation to psychology. It is argued that methodology has developed to such an extent that a need has arisen for a special methodology for choosing and applying methodology in particular sciences. Special attention is drawn to the role of art as a kind of methodology: art nourishes intuition, whereas methodology nourishes discourse. The article also presents propedeutics of methodological culture and critically assesses — or rather problematizes — a set of methodological principles typical of modern psychology. Finally, the problem of the compatibility/incompatibility of polarities that have existed in psychology for centuries and provoked a lot of arguments is discussed as well.

Keywords: methodology, theory, experiment, art, determinism, uncertainty, systemness, khaidnost, development, reflection, origination, comprehension, intuition.

References

1. *Bahtin M. M.* Sobr. soch.: V 7 t. T. 5. M., 1996.
2. *Bibihin V. V.* Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averincev. M., 2004.
3. *Bibihin V. V.* Yazyk filosofii. M., 1993.
4. *Birs Ambroz.* Slovar' satany. M., 2003.
5. *Geizenberg V.* Shagi za gorizont. M., 1987.
6. *Mandel'shtam O.* Slovo i kul'tura. M., 1987.
7. *Petrovskii V. A.* Individual'nost' i samoregulyaciya // Moskovskii psihoterapevticheskii zhurnal. 2008. № 1 (56).
8. *Florenskii P. A.* Stolp i utverzhdenie istiny. M., 1990.
9. *Fuko M.* Germenevtika sub'ekta. M., 2007.
10. *Haidegger M.* Chto zovetsya myshleniem? M., 2007.
11. *Shpet G. G.* Sochineniya. M., 1989.